

Виктор ТЕН

МОЛЧАТЬ НЕЛЬЗЯ КРИТИКОВАТЬ

Посвящается прекрасным русским людям: маме — Матрене Хорошаевой, дяде — кавалеру ордена Ленина шахтеру Ивану Хорошаеву

Научная карьера Максимилиана «Романовича» Фасмера

«Научный метод» этимологии русских слов, а точнее, его отсутствие порой порождает странные версии. Знакомое русским людям с детства слово «ватрушка» выводится из понятия «нарыв», а «дубленка» — из «подкладочная ткань». Образцом научности среди филологов считается «Этимологический словарь русского языка» Фасмера. Стоит познакомиться широкого читателя с личностью и творчеством этого лингвиста. Начну с опубликованной в «Литературной газете» статьи В. Писанова, которая, к сожалению, уникальна (по какой причине — станет ясно ниже), а потому простите за обширные цитаты.

Сегодня вполне серьезно утверждается, что русская речь произошла из огромного ряда заимствований. Русского языка как бы не было, пока не понабрали слов из других языков. <...>

Сегодня мы говорим о замещении импорта в технологиях, в продуктах питания и в легкой промышленности, даже культура, скрипя, начала поворачиваться к отечественным темам. Но говорим-то мы, как утверждает Российская академия наук, на чужом языке! В исследовании истории возникновения русского вот уже шесть десятилетий «царем доказательств» остается «Этимологический словарь русского языка» Макса Фасмера. А у него даже «лапоть» может быть от лтш. lārs «заплата». Ясно ж, русская обувь — из заплат. <...>

Словарь Фасмера — идеологическая диверсия, гуманитарная бомба, осколки которой долетели до наших дней и укоренились в сердце российского языкознания. Кто он, заложивший эту мину продленного действия? Немец, родившийся в Санкт-Петербурге и эмигрировавший после революции¹.

Максимилиан Фасмер был к тому же лицемерный перевертень. Как иначе можно назвать человека, отказавшегося ради карьеры

¹ Писанов В. Мина, заложенная Максом Фасмером // Литературная газета. 2018. № 12. С. 14.

от имени и отчества? Если б не русская революция, мы могли бы иметь не хватающего с неба звезд, но довольно добросовестного лингвиста Максима Романовича Фасмера, как он называл себя, будучи подданным Романовых. Это при том, что отец назвал его Максимилиан Юлиус Фридрих, а сам был Рихард. Младший брат лингвиста честно звался Рихард Рихардович. «Русифицированный» Максим Романович Фасмер выпустил в Петербурге «Греко-славянские этюды» (1909 г.) — довольно объективную (с ошибками, но честную) работу, без прогерманской идеологии. Впоследствии он ее пересказывал уже с антиславянскими правками.

В 1939 г. (!) его приглашают в Германию из США ее тогдашние хозяева нацисты, создают под него Институт славистики. Скорее всего, не просто так о нем вспомнили, сам предложил услуги. Для такого предположения есть основания. В 1933 г., как только Гитлер пришел к власти, Фасмер занялся подтверждением своего «арийского происхождения», хотя нацизм еще не стал официальной идеологией Германии. Он обратился в немецкую кирху в Ленинграде за справкой о рождении и получил ее через третьи руки с пометой: «К использованию в Советской России не подлежит». Этим бывший «Максим Романович» погубил младшего брата, работавшего в Эрмитаже.

...Фашистская Германия встречает возвращенца ласково. <...> У Фасмера был не только университетский кабинет, но и прекрасный дом в центре Берлина с великолепной библиотекой, вывезенной еще из революционной России. Но, главное, созданы все условия для работы над... этимологическим словарем русского языка.

Можете себе представить этот высший пилотаж фашистского гуманизма: страна воюет с русскими, а в центре ее столицы некий ученый работает над историей языка «недочеловеков». Причем ему предоставлены двое помощников-студентов, активных членов национал-социалистической партии Германии. <...>

Когда Фасмер узнает, что в Бухенвальде содержится славист Борис Унбегаун, он не просто добивается освобождения коллеги, но и устраивает его к себе на кафедру. Интересная деталь: Унбегаун продолжает числиться узником Бухенвальда до самого конца войны, между тем он вместе с Фасмером трудится в концлагере Нойбранденбурга. (Что это, если не эксплуатация рабского труда? В качестве соавтора Унбегаун не указан, вся честь досталась одному Фасмеру. — В. Т.)

Научная работа строилась так. Например, Фасмер спрашивает: как на вашем языке слово «палка»? Заключенный-украинец отвечает: па́лка, па́лиця; болгарин: па́лица; серб: па́лица; зэк из Словении: pálica; чех: palice; словак: palica; поляк: pała, pałka, palica и т. д. Унбегаун это все фиксирует. Потом, уже дома, в кабинете, словарную статью дополняют: Возм., родственно д.-в.-н. spaltan «раскалывать», др.-инд. sphāṭati «раскалывает», sphuṭati «разрывает», sphāṭayati «раскалывает», phālakam «доска», phālati «лопается, трескается». Насколько корректны факты языка, полученные на допросах узников концлагеря, — вопрос научной чистоты, о нравственной же чистоте говорить не приходится. Да и древне-верхне-немецкие и др.-индийские отсылки за уши притянуты².

Перед приходом Советской армии Фасмер сбежал в Швецию (которая вела прокси-войну против СССР), а потом вернулся в Западный Берлин. Его Институт славистики находился в Восточном Берлине. Почему этот «чисто ученый», «поклонник русской культуры и языка» бежал от русских? Как все, кто работал в концлагерях, невзирая на род занятий, Фасмер должен был быть привлечен к ответственности. На подконтрольных «союзникам» землях Германии нашли убежище многие отъявленные нацисты.

Переворачивать всё с ног на голову — сверхзадача не научная, а политическая. У многих биографов Фасмера нет сомнений, что он трудился под прямым патронатом Геббельса. Однако более вероятно благорасположение «отца концлагерей» и мистического общества Аненербе (института «Наследие предков») Гиммлера. Необходимость создания специального тайного лингвистического отдела в Аненербе обосновал лингвист Шмидт-Рор: «Имеется значительное количество задач, которые вызваны к жизни сутью языка как политической величины...» (Суть языка — «величина политическая»! Жаль, что этого не понимают те филологи, которые считают этимологию узкоспециальной дисциплиной, яростно отстаивая свое исключительное право на решение проблем происхождения слов. — В. Т.) <...>

Сегодня российская наука продолжает дело Фасмера. Хотя есть новые интересные исследования протолингвистики, новые этимологические исследования. Но академики, получившие свои степени на компаративистике, делают вид, что ничего этого нет. Не пора ли нашей официальной лингвистике заговорить по-русски?³

Воодушевленный первым лучом, проливающим свет на деятельность Макса Фасмера, я отправил 21 октября 2019 г. в «Литературную газету» свою статью, которую здесь приведу почти полностью.

Миф о букowych дощечках

Это был очень яркий «вброс». Все по законам дезинформации: вначале предположение-вброс, потом его неоднократное повторение, дающее эффект «все так говорят», потом подача уже без оговорки, что это далеко не факт, далее — «факт» уже воспроизводят как тривиальность, потому что «все это знают». Речь идет о «букowych дощечках», на которых якобы писали древние германцы, откуда в немецком языке слово *Buch* «книга», а в русском якобы «буква» — из немецкого.

В статье *буква* Фасмер пишет: «Несомненны связь с названием дерева *бук* и герм. происхождение. Вероятнее всего, источником явилось доготское **bōkō*». Возникают вопросы: «доготское» — это конкретно чье? Что означало? Фасмер подает его как восстановленную лексему (под соответствующим значком *). Он пишет обтекаемо: «доготское **bōkō*», потому что не может сказать, в каком именно древнегерманском языке было это слово. Ни в одном из 13 древних германских языков этого слова нет. Несмотря на это, все русские этимологи начали старательно копировать Фасмера. В промежуток между выходом в свет творения Фасмера

³ Там же. С. 14

и изданием последнего отечественного этимологического словаря много было написано о «германском доготском *bōkō» и «буковых дощечках». Например: «По происхождению представляет собой видоизменение герм. (доготского) *bōkō... Германское *bōkō (бук) получило значение “буква” переносно, по смежности с буком, на дощечках из которого в древности изображались письмена», — уверяет в статье *буква* автор «Этимологического словаря русского языка» Г. Цыганенко. «Первоначально писали на буковых дощечках» (Н. Шанский, автор еще одного словаря). «...Именно на буковых дощечках первоначально чертились письмена. Неожиданное, но закономерное родство письменного знака и дерева», — сообщает третий автор, Г. Крылов.

Информация о «буковых дощечках» стала знанием «само собой разумеющимся». Авторов, уверенных в том, что древние германцы писали на буковых дощечках, столько, что простое перечисление займет десятки страниц. Причем это далеко не всегда маргиналы. Это очень уважаемые (без иронии) профессионалы. Например, В. Н. Топоров отмечает в ходе изложения другой темы: «Древнейшие руны в Северной Европе вырезались на буковых досках, откуда англо-сакс. *boc*, англ. *book* “книга”, русск. *буква* и т. п.»⁴

До сих пор версия «буковых дощечек» критике не подвергалась ни со стороны историков, ни со стороны лингвистов. Ее охотно приняли все как знание, которое не подлежит сомнению, потому что «все это знают». Между тем, это так называемое знание — абсолютная ложь, потому что **на буковых дощечках никто никогда ничего не писал**. Бук — дерево, во-первых, очень твердое, тверже дуба; во-вторых, волокнистое. Если вдоль волокон еще можно что-то процарапать, то поперек волокон это слишком трудоемко. Представим себе, что в науке бытует мнение, будто древние германцы писали на дубовых досках. Оно сразу вызвало бы сомнения: зачем писать на таком твердом материале, когда есть более пластичные? А вот относительно бука эта дезинформация прошла без возражений, потому что с буком современные люди знакомы меньше. Можно было бы предположить, что *самое твердое дерево* европейских лесов бук использовали ради сохранности текстов. Однако здесь опять незадача: буковая древесина, в отличие от дубовой, непрочна. Дуб содержит алкалоиды, убивающие микробов (поэтому если писать ради сохранности на твердом дереве, то дуб подходит больше, тем более что не столь волокнист, как бук). Бук беззащитен, поэтому его, несмотря на завидную, ровную, крепкую «стволовитость», никогда не использовали для наружных работ при строительстве, а также для мачт кораблей. Для мачт использовали березу и сосну, несмотря на то, что береза колкая, а сосна непрочная. Разумеется, тридцатиметровый ровный ствол бука был бы предпочтительнее, но этот крепкий великан сгнивал за несколько лет. Бук не использовали даже для стропил и матиц, потому что в неотопляемом помещении он быстро истлевет.

⁴ Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М., 2010. Т. 2. С. 447.

Благодаря волокнистости и красноватости древесины бук имеет красивую текстуру. Он дает широкую доску «без сучка и задоринки», за что и поплатился. В Европе в течение многих веков бук являлся основным «мебельным» деревом. Однако для письма бук не годится совершенно. Для вырезания славяне использовали липу, дающую пластичную древесину, в два раза более мягкую, чем буковая, без твердых волокон, благодаря чему по ней можно резать во все стороны. Несмотря на то, что липа мягче бука, она более устойчива к переменам температур и влажности. Церкви не отапливались, а иконы на липовых досках не коробились, не плесневели, хотя в морозы покрывались изморозью от дыхания молящихся, а потом оттаивали и увлажнялись. Несмотря на это, они сохраняются веками. Две известные древние книги на деревянных досках — не буковые. «Трипитака Кореана» написана на березовых досках, Новгородский кодекс — на липовых. А вот хрестоматийные «буковые дощечки», на которых якобы писали древние германцы, не сохранились ни в сχροнах или святилищах, ни в земле, как берестяные грамоты, — нигде. Никто никогда не видел ни одной буковой доски с рунами. Их нет ни в одном музее. Почему берестяные грамоты сохранились в земле, пролежав более тысячи лет, а буковые доски — нет? Возможно возражение, мол, берестяные грамоты сохранились благодаря болотам, где не тлели в связи с отсутствием кислорода. Но в Германии тоже много болот, в которых много чего сохраняется. Сохранились одетые в кожи тела эпохи раннего железа, а буковых досок не сохранилось ни одной. Мы можем сказать, что какой-то древний текст сохранился благодаря папирусу, глине, пергаменту, пальмовым листьям, камню, бересте, липовым или березовым доскам, но мы не можем доказательно утверждать, что хотя бы один древний текст сохранился благодаря буковым дощечкам.

Их не было: ни германских, ни славянских. Известный фальсификатор начала XIX в. А. И. Сулакадзев назойливо писал о «древнеславянских книгах на буковых досках». Его имя связывают с так называемой «Велесовой книгой». Мы имеем самое очевидное, буквально материальное доказательство подделки: не могло быть никаких буковых досок с письменами. Автор подделки проявил себя как тупой подражатель, повторяющий общее мнение, не зная, что оно ложное, — и «ловится» на этом. Ни один историк, работавший в архивах и музеях, ничего не сообщает о «буковых дощечках». Если б они были, мы имели бы о них обширную литературу, как о папирусах или бересте. Ничего нет, ни одной заметки в поле научного дискурса. Эту фальшивку породили немецкие лингвисты. Кто и зачем?

Мной установлено, что автором фальшивки является А. Торп, автор книги «Сравнительный словарь индогерманских языков от Августа Фика, обработанный Альфом Торпом» (Геттинген, 1909 г.; немецкие лингвисты называют индоевропейские языки «индогерманскими», что само по себе говорит об их отношении к самобытности славянских, кельтских, балтских, романских, иранских языков). Это единственное

в своем роде произведение в научном мире. Обычно подобные обработки приходится встречать в литературе для детей (Пиноккио/Буратино, страна Оз / Изумрудный город, рассказы про Винни-Пуха и тому подобное). В научном дискурсе это выглядит неожиданно. Это все равно, что мне взять словарь Фасмера и переписать по-своему, убрав и добавив все, что хочется («Этимологический словарь русского языка от Макса Фасмера, обработанный Виктором Теном»), а хочется многого, особенно убрать.

Август Фик — один из великих компаративистов. В его словаре упоминания о букowych дощечках и о «доготском *bōkō» отсутствуют. Что есть? «Bhago — Buche, лат. *fagus*, гот. *boka Buch*»⁵. Bhago — это санскритское слово, означавшее дерево бук, *fagus* — латинское название бука, далее идет готское слово уже в смысле «книга». В «торповском» варианте словаря Фика на этом месте уже две статьи, причем не bhago, а bōkō, без значка, что это реконструированная форма. Первая статья bōkō посвящена дереву бук, вторая — значению «книга». Ко второй статье дается пояснение: «Eigentlich (Tafel aus) Bucheholz mit eingeritzten Runen» — «Собственно (из досок) древесины бука с вырезанными рунами»⁶. **Это и есть источник вековых инсинуаций.**

Вопрос: зачем Торпу понадобилось делать нелепую переделку словаря Фика? Напрашивается ответ: Фик работал над словарем в первой половине XIX в. и издал в 1868 г., когда Германской империи еще не существовало. Торп издал свою подделку в 1909 г. — в разгар германского национализма. Он являлся пангерманским националистом, и выдумка имела идеологические мотивации. С древней письменностью у германцев очень скудно. Первые памятники XIII в. на так называемых древних германских языках очень малословны, развитая письменность — с XIV—XV вв. (Существование рун на камнях раньше этого времени не доказано, равно как и принадлежность рун: есть мнения, что самые старые рунические надписи на камнях — не германские, а славянские.) Древнерусский язык к тому времени, воплотившись в тысячи памятников, уже начал переходить в русский. И вот Торп заявил, что у древних германцев, оказывается, была письменность на букowych досках! Интересно, почему до сих пор никто не решился проверить эту информацию? Одна строчка, написанная как бы походя, а сколько наворочено вокруг нее! Это к вопросу о пресловутой немецкой честности и точности. А также — о рабской зависимости русских лингвистов от западных коллег.

Тотальный запрет

Отправив этот текст в «Литературную газету», две недели спустя получил ответ от ведущего редактора, одного из самых маститых

⁵ Fick A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, Göttingen, 1894. P. 489.

⁶ Torp A. Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen von August Fick. Dritter Teil, umgearbeitet von Alf Torp. Göttingen, 1909. P. 271, 272.

журналистов России, трехкратного лауреата премии Союза журналистов РФ «Преодоление»:

Мне материал понравился, и я надеюсь, что он пройдет. Проблема в том, что примерно год назад мы опубликовали статью даже не с критикой Фасмера, а с сомнениями в его непредвзятости (видимо, речь о статье Писанова. — *В. Т.*), и получили отлуп от 250 сотрудников академических институтов. По их мнению, его словарь не подлежит критике, как и Библия. На днях получили опровержение (на самом деле очередное утверждение, что Фасмер гениален и сомневаться в его толковании слов нельзя) из Германии. Попробую уговорить затеять дискуссию... С уважением, Людмила Мазурова.

Дискуссию затеять не удалось, опубликовать статью тоже. Наша официальная (подчеркиваю данный момент, ибо лично с Л. Мазуровой, к сожалению, не знаком), переписка продолжалась в связи с моими попытками «пробиться» на страницы главной литературной газеты страны. Приведу выдержки из еще двух ответов:

Виктор, добрый вечер! Очень нравится, как вы пишете, но никак не получается с вами посотрудничать... Фасмер оказался неподсуден... С уважением, Людмила Мазурова. (16.07.2021)

Еще одно письмо от того же корреспондента:

Мне ваши аргументы кажутся существенными, но не уверена, что текст пройдет. Паническая реакция самых известных филологов на статьи о словаре, которые у нас вышли несколько лет назад, ворох злобных откликов, — «не смейте трогать великого Фасмера» — похоже, поставили на теме крест... С уважением, Людмила Мазурова. (07.10.2022)

«Панику филологов» преодолеть не удалось. А ведь когда-то «Литературка» была смелой, поднимала значимые темы. Острые дискуссии не сходили с ее полос. Неужели в наши дни тоталитаризм настолько крепче, чем в СССР, что даже самые смелые журналисты одной из самых авторитетных газет боятся «злобных откликов» доморощенных специалистов и забугорных «партнеров»? Никкак не получается преодолеть какую-то неофициальную, но весьма «отлупистую» цензуру.

Осторожная критика и «толстые звоны»

В советские годы была возможна критика Фасмера, хотя и чрезвычайно робкая. Однажды это позволил себе В. Абаев, предусмотрительно оговорившись, что словарь Фасмера «превосходный»⁷. Более смелым, но почти незамеченным научным сообществом поступком стала изданная в Минске книга В. Мартынова (по докторской диссертации). В ней говорится:

Славяно-германское языковое взаимодействие древнейшей поры до сих пор рассматривалось главным образом в плане заимствований из германского в славянский, т. е. по существу сам факт такого взаимодействия ставился под сомнение.

⁷ См.: Абаев В. А. Как можно улучшить этимологические словари // Этимология. 1984. М., 1986. С. 17, 18.

В трудах Фасмера Мартынов видит «влияние внелингвистической аргументации», которая поражает расистской откровенностью. «Культуры в Висло-Одерском междуречье, которые археологи считают славянскими, не могут быть славянскими, т. к. слишком развиты для славян», — цитирует он Фасмера. Следующий аргумент Фасмера мог родиться только в голове убежденного нациста: «Это культуры нордического типа, поэтому не могут быть славянскими»⁸. Носители культур Висло-Одерского междуречья — светлые европеоиды, и поэтому, по мнению Фасмера, эти культуры не могут быть славянскими!

В. Мартынов называет историю изучения славяно-германских языковых отношений «драмой».

Тенденциозное рассмотрение проблемы с точки зрения культурной гегемонии германцев приводило ряд исследователей к априорным выводам. Ненаучной объявлялась любая попытка пересмотра.

Он пишет о том, что славянские лингвисты приложили «немало труда к установлению германских проникновений в славянские», тогда как германские, «питая неправомерное предубеждение, ничего не сделали в данном направлении»⁹. Прошло 60 лет. Германские лингвисты до сих пор ничего не сделали в данном направлении. К сожалению, славянские тоже почти ничего не сделали. Противоречие германским лингвистам встречается как исключение.

Германская лингвистика изменилась со времен великих первых компаративистов. После Гумбольдта с его шеллингианской по происхождению идеей, что язык есть выражение энергии народа, в ней проросли ростки империализма в учении «естественников», согласно которому каждый народ имеет тот язык, который заслуживает, ибо язык прямо связан с этногенезом. Отсюда вышли германские лингвоимпериалисты, которые начали напористо переписывать сравнительную грамматику, оформляя «индогерманскую семью» так, что славянские языки оказались отодвинуты на обочину от столбовой линии развития, они как бы «боковое ветвление», их лексика считается нахватанной. Мощный импульс «пангерманское» языкознание получило после объединения Германии. Накануне Первой мировой войны во всех имперских странах проявило себя поколение «младых» националистов, прямых предшественников нацистов. Например, младотурки, устроившие резню армян, младогерманцы, профессиональной ветвью которых были младограмматики. Переработанный Торпом в духе пангерманизма словарь Фика стал едва ли не основным источником «этимологических словарей языков», которые начали составлять немецкие младограмматики. Их примеру последовали авторы первых русских этимологических словарей, например А. Преображенский, у которого Торп — самый цитируемый автор. Фасмер тоже крайне редко ссылается на оригинал Фика и очень часто — на Торпа. Уже это, согласитесь, странно: если у тебя есть оригинал Фика, почему ты обращаешься как к первоисточнику к подделке Торпа?

⁸ Мартынов В. В. Славяно-германское взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963. С. 5, 10, 11.

⁹ Там же. С. 24, 25.

В 30—40-е годы XX в. нацисты, осуществляя программу духовного порабощения народов, организовали составление серии этимологических словарей. Этимологический словарь немецкого языка в нужном нацистам духе составил Клюге-Гётце (словарь вышел в Берлине в 1943 г.). С романскими языками работал Гамильшег (в 1940—1944 гг. — директор Немецкого института в Бухаресте, который надзирал за проведением нацистской идеологии в фашистской Румынии). Составлением словаря «индогерманских» корней занимался в Берлине во время войны Покорны, которому НСДАП платила за это стипендию. Этот факт характеризует нацизм как «шкурное» явление. Фашисты охотно сотрудничали с евреями, когда им было выгодно. Антисемитизм был вызван желанием ограбить евреев, а не заключенной в них «расовой нечистотой», миф о которой оправдывал грабеж. Составление этимологического словаря русского языка было поручено специально приглашенному Фасмеру.

Нацистская лингвистика невероятно влиятельна в русском историческом языкознании. Фасмер царит абсолютно. Ссылки на Клюге-Гётце, Гамильшега, Покорны — распространенное явление. Ничего подобного не наблюдается в национальном языкознании других народов. Например, этимологические изыскания Гамильшега неактуальны в современном романском языкознании¹⁰. Итальянцы, испанцы, французы предпочитают считать большинство своих слов исконными, а не заимствованными массово «из герм.». Этимология — одна из самых идеологизированных наук, о чем не говорят на научных конференциях и не пишут, но что прекрасно понимают все лингвисты, кроме русских, играющих в ложную «объективность».

В. Мартынов пересмотрел десятка два этимологий, и больше почти ничего не было сделано вне главенствующей тенденции в академическом секторе лингвистики. Выходящие словари, как правило, ориентируются на Фасмера. Народ, узнавая глубинным чутьем ложь на длинных ногах, возмущается. Люди, презрительно называемые «маргиналами», «народными этимологами», пытаются что-то делать, но это все носит случайный характер. Народная этимология исходит из простых созвучий, без учета диахронических трансформаций, работающих лингвистических законов.

В СССР В. Мартынов был не очень заметен. Его книги издавались в Минске по-бедному, на серой бумаге, в мягких обложках, оседали в хранилищах белорусских библиотек. «Толстые звоны» гремели в честь «выдающейся» этимологической школы О. Трубачева, фасмеровской по существу. В. Мартынов, опираясь на лингвистику, сделал вывод о висло-одерской прародине славян, вопреки господствовавшей (в том числе благодаря Трубачеву) ложной версии «южной прародины» (а как же: германские наци, включая Фасмера, запретили считать европейских «белых людей» славянами). В 1970-е гг. Мартынов сосредоточился на семиотике, науке менее идеологизированной, в которой

¹⁰ См., напр.: *Чельшева И. И.* Романская этимология: тенденции и перспективы // *Научный диалог.* 2019. № 1.

достиг успехов, соответствующих его гениальности. В 1977 г. издал книгу «Универсальный семантический код». В качестве семантиста был занесен в 1989 г. в Книгу почета США как один из величайших ученых всех времен. В 1993 г. Международный биографический центр в Кембридже внес его труды по семиотике в перечень «достижений XX века», присвоил Мартынову редкий титул «человека века». Подобных почестей не достаивался ни один другой русский филолог.

К сожалению, В. Мартынов не составил «нефасмеровский» этимологический словарь русского языка, его опровержения единичны. Например, слово *бор* традиционно считалось заимствованием из германских либо исконно родственным германским словам. Мартынов это отрицает, отмечая бóльшую семантическую полноту славянского слова. Подобные слова в германских языках, согласно его мнению, — славянизмы.

Наличие куста грамматических форм и куста значений является косвенным, но очень убедительным доказательством исконности слова в том или ином языке. Фасмер отверг мнение Ильинского, который считал слово *баня* исконным, «указывая на значительное разнообразие значений». «Их наличие можно объяснить также заимствованием», — уверяет Фасмер, вопреки практике заимствований: заимствование происходит, как правило, в одном значении, редко больше. Благодаря «семантическому аргументу» много слов могут быть возвращены в исконный фонд, вопреки германским младограмматикам и Фасмеру.

Осторожную критику Фасмера позволил себе П. Черных, автор «Историко-этимологического словаря современного русского языка» в двух томах (издан только в 1994 г.; Павел Яковлевич умер в 1970 г.). Вначале он отмечает, что словарь Фасмера — это «выдающееся явление в истории послевоенного языкознания». Однако тут же пытается отдалить от этого «явления» русских читателей: «...словарь написан на немецком языке и, следовательно, в первую очередь для немецких читателей». Далее следует предметная критика. «Неясно, какими принципами руководствовался автор, включая в словарь одни слова и исключая другие». «Много в этом труде слов (по нашему мнению) лишних, неупотребительных (и, пожалуй, никогда не употреблявшихся) в общерусском языке». «Обращает на себя внимание также некоторое преувеличение роли и значения немецкого языка, а из славянских — польского в развитии словарного состава общерусского языка...»¹¹ Почему немецкий — понятно, но почему польский?! Нацистское мышление крайне примитивно. Идеологию, предписывающую решать все проблемы человечества уничтожением или порабощением одних народов другими, иначе оценивать нельзя, ибо более примитивного способа решения сложных проблем мировой цивилизации не существует; это не что иное, как примитивное «убить и ограбить», переведенное с личности на массу. Фасмер был нацистом по жизни и по «творчеству»,

¹¹ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М., 1994. Т. I. С. 11.

следовательно, был предельно примитивен. Поляки живут между умными немцами и глупыми русскими. Они «полу-умные» географически, через них передается «унтерменшам» культурный импульс с Запада. Кстати, современные польские нацики так себя и позиционируют, если отбросить высокопарную шелуху.

Словарь Фасмера стал апофеозом научности с подачи О. Трубачева, который начал продвигать его в СССР *уже после того, как в Минске на русском языке вышла книга Мартынова, в которой Фасмер представлен как нацист, не заслуживающий доверия в качестве ученого.* Трубачев, вопреки этим фактам, неизменно сопровождал творение Фасмера панегириками. Например: «...в нелегкие тридцатые — сороковые годы Фасмер не изменил этой своей репутации друга русского языка и культуры за границей»¹². Нелегкие сороковые для Фасмера?! Не лицемерны ли выражения жалости? Не пугает ли академик слова, что для лингвиста по меньшей мере странно? Не «за границей», которой в 1941—1945 гг. не было, а за линией фронта на стороне врага нашего народа, страдающего от фашистского нашествия.

Знал ли Фасмер русский язык?

«Русский язык он знал и говорил на нем так, как говорят на родном языке»¹³, — пишет Трубачев о Фасмере. Правда ли это? Авторы двух первых этимологических словарей русского языка Горяев и Преображенский привели в статьях *вилок* выражение «капуста завивается». Фасмер, сославшись на них, передал это выражение следующим образом: «капуста вьется вилами». Горяев и Преображенский выразились по-русски, Фасмер — по-фальшмахерски. Дьявол в мелочах. Фасмер на подобных мелочах «ловится» многожды. Например, грамотный русский не назвал бы слово *зря* причастием.

Природным носителем русского языка Фасмер не являлся, так как природным носителем языка является тот, кто родную речь усваивает не только с детства, а даже ранее. Чувство языка является первичным, зарождающимся в пренатальный период, когда уже начинает восприниматься мелодика родной речи. Кроме того, надо быть природным носителем не только языка, но и культуры, сформированной народом — носителем языка. Фасмер русский язык знал как второй, но не понимал глубинных семантических особенностей. Вот яркий пример беспомощности. *Благо* — то, что хорошо. На этой базе появились прилагательные *благой*, *блаженный*, *блажной* с разными смыслами. *Благóй* — хороший, полезный. *Блажéнный* — почти святой (сакрализм). *Блажнóй* — неуправляемый глупец (бранное). *Блажь* — глупость, безумие. Ни один немец не понял, как русские могут это совмещать. Не уложилось в немецких головах. Фон Миклошич, потом Бернекер разделяли основы,

¹² Трубачев О. Н. Послесловие ко второму изданию «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М, 1986. С. 566.

¹³ Там же.

считая, что это разные по происхождению слова. У Фасмера — три отдельные статьи: *благо*, *болого*, *блаженный*. Смысл русского слова *блаженный* до него не доходит, он воспринимает его тавтологично с *благо* («делать хорошим»). Слова *блажь*, *блажной* не включил в свой словарь совсем, хотя знал. (А если не знал — какой он знаток русского языка? Но он знал, есть ссылки.) Не могут «западные» люди осознать смысл русского сакрального *блаженный*, потому что в их культуре подобное понятие отсутствует. В католичестве и протестантизме нет блаженных святых. Святые мученики есть, а блаженных нет. Канонизация побродяжек вроде Ксении Петербургской или Матрены Московской немыслима для западного рационального сознания. Они таких пожигали. (Кстати, немаловажное свидетельство принципиального различия цивилизаций.)

Необходимо отметить также плохую ориентацию Фасмера в языковой среде. Яркий пример — слово *заноза*. Вот его статья полностью: «*Занóза, занозíть*. Укр. *зані́з*, род. п. *занóзу* “палка, продеваемая в воловьем ярме”. Сюда же *нож, вонзíть, -низáть...*». Далее следует ссылка на фон Миклошича и Преображенского. Неужели Преображенский и Фасмер запомнили, словари какого языка составляют? Неужели в начале XX в., тем более в середине XX в. частотное русское слово *заноза* в современном значении еще не было известно? Было: есть у Даля. Впрочем, для Преображенского неудивительно: в начале XX в. понятия «украинский язык» не существовало. Академические лингвисты, включая украинцев по происхождению (Потебня, например), считали его малороссийским говором русского языка. Объяснение следующее. У Преображенского нет статьи *заноза*, он вставил «малороссийское *занизь*» в статью *-нзить* как один из примеров производства от основы *-нзить* в славянских языках. Фасмер, неуверенный в языке, словарь которого составил, профански воспроизвел один из примеров Преображенского из его статьи *-нзить* в своей статье *заноза*, выдав украинское значение «деталь воловьего ярма» за основное русское значение слова *заноза*.

Фасмер далеко не всегда знает, какие слова и значения используются русскими массово, а какие викарно. Нет в его словаре слова *дурак* в основном значении «глупец», есть *дурак* «тыква» с глупейшей этимологией: «контаминация *бурак* и *дыня*». Нет *желтúха*, есть *желница*, *желуница*, хотя уже у Даля *желтуха* — основное общерусское название болезни. Слово *жуткий* он называет тульским, хотя уже у Даля оно не диалектное, а общерусское. Фасмер не понял, что *забор* в значении «забор чего-либо» (например, крови) и *забор* «ограда» — слова разных корней, необходимы две отдельные статьи. Наричательный негатив *елисéй* «льстец» Фасмер, нимало не смущаясь семантическим несоответствием, произвел от имени собственного *Елисей* «Спаситель» (одно из эфемических имен Христа). Это такая же глупая ошибка, как *васька* (мальчик-служба) от «Василий», *гаврик* от «Гаврила», *дёма* «плут» от «Демьян». Удивляет маргинальное хватание профлингвиста за первое попавшееся внешнее созвучие. Не буду здесь обо всех

подобных ошибках, но нелестное определение *гаврик* не от «Гаврила», а от древнерусского *гавранъ* «ворон»: *гаврик* — вороненок. Гавриками в шутку называют проворных, вороватых пацанят. Кстати, прилагательное *проворный* Фасмер отделил от русского многозначного корня *-вор*, не понимая, что *про-* — приставка, и, конечно же, привязал к иностранным словам: «лит. *vaŕyti, vaŕai* “гнать”, лтш. *vert, veŕu, vėru* “бегать”».

При этимологии слова *ватрушка* Фасмер предлагает сравнить его с «русск.-цслав. *обаштритися* “воспалиться (о нарывах)”», *обаштрение*. «Поэтому нельзя не считаться, — пишет он, — с возможностью, что *ватрушка* относится сюда же». Версия об этимологической связи *ватрушки* и нарыва слишком экзотична и, я бы сказал, глумлива, хотя это редчайший случай, когда Фасмер позволил слову быть исконно-русским. Может быть, потому и позволил, чтобы поглумиться над «русскими свиньями», пожирающими нарывы. Созвучие *ватрушка* и «обаштритися» — ложное, для немецкого уха. Любой природный носитель русского языка, даже неграмотный, догадается, что древнерусское «обаштритися» о воспалении — это старая форма современного глагола «обостриться», не имеющая никакого отношения к *ватрушке*; «обаштрение нарыва» — это «обострение нарыва», а не выпечка ватрушек. Подобные казусы для Фасмера, который в русском языке был «профанум вульгус», характерны. Я бы сравнил ситуацию с тем, как человек, поверхностно знакомый с английским языком, составил бы этимологический словарь английского языка, объединяя в одно генетическое гнездо похожие английские слова, например, *working* и *walking*, звучащие почти одинаково, но почти антонимичные (процесс работы и прогулка; буквально — «работание» и «гуляние») и, безусловно, разные по корням. Интересно, как отнеслись бы английские лингвисты к такому иностранному знатоку их родного языка? Стали бы воспринимать всерьез? Называть такой словарь «насушным хлебом» английского языкознания? «Ватрушка относится сюда же!» К «обаштрению» нарыва! Стыдно за русских лингвистов, до сих пор признающих Фасмера классиком их науки. Одного данного примера достаточно, чтобы высмеять его как проходимца, к тому же невежественного. Это не редкий пример: значительная часть его так называемого словаря — это материал для авторов «Камеди клуб» и «Уральских пельменей», а не для ученых.

Фасмер не «чувствует» корней. Например, о слове *возместить* пишет: «связано с *место*». Это типичная маргинальная этимология по внешнему созвучию. Верную этимологию дал Даль, который внес слово в куст *возмездие, возместка*. У него не было сомнений, что *месть* происходит от *мзда* (*мзда* > *мста* > *месть*). Прилагательные *возмездный, возместный*; существительные *возмездник, возместник*. Согласно Далю, это всё синонимы¹⁴. Кто более компетентен в понимании корней русских слов, сомнений нет.

¹⁴ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. I. СПб., М., 1880. С. 232.

Согласно Фасмеру *вóрот* и *ворóта* происходят из разных корней. Здесь такая же ситуация, как со словами *бечева* «крученая веревка» и *бичева* «крученая веревка», которые немецкие фальшмахеры тоже растащили по разным основам, и за ними последовали русские лингвисты. Название лесного голубя *ветютень*, он же *вятютень*, — «темное слово» для Фасмера, а *вятютень*, он же *ветютень* — «ясное»: от *вякать*. Маргинальная этимология по пустому созвучию, нелепая семантически: голуби не *вякают*; у данной лексемы иное происхождение. Фасмер представил две разные этимологии одному слову в двух фонациях *визига/визига*. *Вязига* в конечном счете — к др.-прусс. *winsus* «шея»; *визига* — к др.-верхненемецкому *hûso* «белуга». С целью разделения фальшмахер представил и разные значения: «вяленные спинные сухожилия красной рыбы» (*визига*), «сухожилия из спины осетровой рыбы» (*вязига*). На самом деле *визига*, *вязига* суть одно, «осетровое»; у «красной рыбы» (то есть у лососевых) хрящеватой хорды нет, у этих рыб костный скелет. Разумеется, слово исконное, верную этимологию представил В. И. Даль: от *вязать*, *связывать*. Хорда проходит вдоль тел осетровых рыб, связывая в целое. Оцените малозаметную «хитровыделанность» фальшмахерских уловок. Рыбу подменил, как вороватый повар.

«Умение отобрать лексику»

Трубачев называет словарь Фасмера «насушным хлебом нашей науки» и хвалит автора за «умение отобрать лексику»¹⁵. Кто прав: Черных или Трубачев? В словарь на букву *В* Фасмер включил: *вакуфа*, *вантрос*, *ватерпруф*, *верандукса*, *вилайдать*, *винцерада*, *ворменский*, *вотты*, *вынтреп*, *вычекурдывать*, *вянейдукса* и т. д. Десятки слов, из которых иные настолько редкие, что их нет ни в одном толковом словаре. Надо ли говорить, что эта мусорная лексика пополняет общее количество заимствований в русском языке и, видимо, с этой целью и напихана. Например, у Фасмера есть «русское» слово «врыхтих», которое никто не знает, образованное от немецкого *richtig*. В самом деле: искал повсюду, расспрашивал знакомых, людей начитанных и сведущих, писателей, знатоков русского языка: слышали ли, встречали ли? Никто не видел, не слышал «врыхтих» или, например, «бейзехалеймус». Возникла мысль: а не подшутили ли над нацистским «языковедом» некоторые русские лагерники, среди которых были люди образованные и с достоинством? Возможно, придумывали слова и выдавали «другу русского языка» на лингводопросах? Когда людей рассматривают как подопытных животных, возникает естественное противление. Жители Самоа, например, подшутили над этнологом Маргарет Мид, пристававшей с расспросами про их половые отношения. Многоопытная тетка ловила молодых парней и живописала им всякие извращения, а парни подтверждали, мол, делаем всё... Обманутая первобытными людьми глупая американка

¹⁵ Трубачев О. Н. Указ. соч. С. 567, 570.

опубликовала свое «исследование», ибо не могла допустить, что подопытный человеческий материал может обладать юмором. Разоблачили «великого этнолога» секс-туристы, хлынувшие на Самоа, где, к своему разочарованию, обнаружили царство традиционных ценностей, а не толпу озабоченных извращенцев.

На букву *Д* в словаре Фасмера есть слова *дакапо*, *дагликс*, *декатировать*, *декокт*, *демикотон*, *десперация*, *джабага*, *джирир*, *джумбура*, *джурапки*, *дикирий*, *дойлид*, *донгус*, *дородор*, *драбант*, *драдедам*, *драйреп*, *драшпиль*, *дректов*, *дриаква*, *дрогет*, *дублюр*, *дучай*, *дыгыл*, *дымсель*, *дырван*, *дякло* и т. д. Разумеется, все они — заимствования. При этом Фасмер часто пропускает слова, которые невозможно подвесить на иностранные корни. Например, пропустив *дровни*, дает *дрогет* (кто знает такое слово?), потому что в нем немецкий корень. Отсутствуют на букву *Д* слова *дата*, *действительный*, *действовать*, *деятель*, *добро*, *добыть*, *довод*, *дозор*, *доказать*, *доканать*, *доклад*, *докучать*, *доскональный*, *доспех*, *достигать*, *достижение*, *достоверный*, *достоинство*, *достойный*, *достояние*, *доступ*, *дерматин*, *дотла*, *достать*, *достаточный*, *достаток* и т. д. (кусты глаголов *достать* и *достигать* полностью; после *доскан* идет *досуг*, слова на *дост-* отсутствуют), *досужий*, *досягать*, *дотла*, *дотошный*, *дошлый*, *драться*, *дружба*, *дружить*, *дубина*, *дубление*, *душить*... Аналогичная ситуация по всему алфавиту. Эта дородорщина и есть «умело отобранная» русская лексика? Мы с узкими специалистами по русскому языку на разных языках говорим. Если провести статистику «исконного» и «заемного» по словарю Фасмера, выяснится, что в русском языке почти нет исконных слов. Это можно было бы считать «проблемой Фасмера», но в контексте «умелого отбора лексики» это уже «проблема языка», так как за Трубачевым стоит головной Институт русского языка и целая толпа «правильно» обученных филологов, представляющих мейнстрим отечественного языкознания (вспомним 250 отлупов).

Нет в словаре Фасмера слова *мельница*. Вместо него в словаре русского языка (!) — западнославянское *млин*, которое Фасмер подвесил на немецкий крючок. С *мельницей* это, видимо, не получилось — и ату ее! Но тут же возникает вопрос: если *мельница* — исконное славянское, почему явно родственное *млин* должно быть заимствованным? «*Жучка* — маленькая собачка, — пишет Фасмер. — Вероятно, от *жужу*...». В статье *Жужу* пишет: «*Жужу* — собачья кличка (Лесков и др.). У Крылова: *жужутка*, уменьш. Из франц. *joujou* “игрушка”... Вероятно, отсюда уменьш. *жучка*». Так ли уж необходима отдельная статья о редкой кличке *Жужу*, явно не народной, а салонной, франкофонной, в словаре русского языка? Такие клички часто носили также дамы низкой социальной ответственности. Разумеется, гламурная экзотика не имеет отношения к народному *жучка*. *Жучками* называют малых дворняжек. Это слово происходит от *жучить* и означает «пугалка», «шугалка». Глагол *жучить* значит «бранить, тазать, журить, щунять, гонять, преследовать» (*Даль*). *Жучки* не способны реально защитить, но могут напугать мелких во-ришек и разбудить хозяев.

«Дикари XX века» и этимология русских слов

Фасмер работал не ради науки и тем более не ради русского языка и культуры, а ради духовного порабощения русского народа, составляя словарь для «унтерменшей», после прочтения которого создается впечатление о русском языке как неорганичном, позднем, нахватанном, что «доказывается» конкретными словарными примерами. В каждом почти слове и предложении мелкая ложь, но ее так много, что она переплетается и создает объемное впечатление «правды», точнее постправды. Эта паутина настолько затмевает истину, что ее до сих пор никто не смог разгрести. «Мы с глубоким удовлетворением видим, — ликует Трубачев в послесловии ко второму изданию 1986 г., — что словарь Фасмера живет, что он нужен и сейчас». Он отмечает «выдающиеся качества оригинала», называет его «инвариантной ценностью», хвалит за «объективность и разностороннее освещение материала»¹⁶.

Трубачев описывает свои «героические» усилия по популяризации этого фальшмахерского словаря. Мол, в Германии он был издан «малым тиражом — большой стоимостью на западногерманские марки» и был малодоступен даже немецким читателям. Разумеется, после крушения фашистской Германии и планов покорения «русских унтерменшей» Фасмер утратил кровавое финансирование и издал свой жалкий «труд», как сумел. Никто в мире и не заметил бы эту книгу, если б ее не подняли и не возвели на пьедестал сами «унтерменши». В новой действительности фашистский прихвостень Фасмер оказался на обочине жизни. Негодяй бедствовал в послевоенной Германии, когда на него свалилась «манна московская», включая, надо думать, академическую стипендию. Его словарь регулярно переиздается в СССР и России массовыми тиражами. Он считается, говоря словами того же Трубачева, «первым полным академическим этимологическим словарем русского языка», а судя по контексту, и единственным, так как «на новые проекты понадобится время»¹⁷.

Понимая, что дело даже не во времени (сколько его уже прошло), а в том, что для профессионального филолога системное опровержение «гения Фасмера» равносильно профессиональной смерти, на что никто не решится, я начал с 2017 г. работать над «Историко-этимологическим словарем русского языка», четыре тома которого уже вышли (в каждом томе в среднем 500 страниц; от А до З включительно). Именно понимание безвыходности ситуации в филологическом сообществе подвигло меня на этот гигантский, неоплачиваемый труд, плодом которого лично для меня наверняка станет не фимиам, а поругание, во всяком случае, при жизни. Никогда бы за это не взялся, тем более что и научное мое творчество, и литературное востребованы, мне есть чем заниматься (являюсь автором двенадцати книг, сотен статей, включая более двадцати в рецензируемых изданиях списка ВАК,

¹⁶ Там же. С. 563, 564.

¹⁷ Там же. С. 565.

повестей и рассказов, опубликованных в «толстых» литературных журналах). Мое предыдущее творчество неплохо меня «кормило», что доступно далеко не всем современным авторам. Пришлось отложить все ради разоблачения лжи, накрывшей отечественное языкознание. Право заниматься проблемами происхождения слов обосновываю не только тем, что защитил диссертацию, один из разделов которой посвящен проблеме происхождения языка (высокая оценка доктора филологических наук, заслуженного профессора СПбГУ, главного редактора журнала «Мир русского слова» К. А. Роговой), книги «Происхождение языка» (высокая оценка члена-корреспондента РАО, профессора А. П. Валицкой и ряда других ученых), выступал с докладом «Антропология и лингвистика: к истокам языка» на XII Всемирном конгрессе по истории языкознания (приглашение на столь высокий форум само по себе является признанием принадлежности к сообществу), но и тем, что всю жизнь нахожусь в стихии русского языка как искушенный читатель, с рождения живущий в русскоязычной среде, сформированный русской культурой человек.

Существующую этимологию необходимо системно перерабатывать. Всю, без исключения. Осознаю несовершенство своего словаря, обусловленное тем, что спешу, осознавая краткость отпущенного времени. Надеюсь, будущие исследователи и критики поправят. Заранее прошу прощения за все мои ошибки, которых, наверное, найдут немало. Сам их нахожу: каждый вышедший том уже похож на ежика, поскольку весь в закладках. В оправдание могу сказать одно: это не фальсификаторские явления. Это именно ошибки, а не подтасовки. Скажу о своем словаре то же, что Владимир Иванович Даль сказал о своем: «Писал его не учитель, не наставник, не тот, кто знает дело получше других, а кто более многих над ним трудился; ученик, собиравший весь век свой по крупице то, что слышал от учителя своего, живого русского языка».

Невозможно дальше мириться с тем, что сотворили с русским языком немецкие фальсификаторы, прежде всего Фасмер, и их эпигоны, отечественные «узкие специалисты». Хосе Ортега-и-Гассет в начале XX в. провозгласил наступление эры «новых дикарей», которыми являются «узкие специалисты» с докторскими дипломами, защищенными по узким направлениям. Они полны апломба, но на самом деле они — наивные дикари. Подавляющее большинство публикаций в научных изданиях гуманитарного профиля — наукообразные, искусственно усложненные иностранной лексикой компиляции от «узких специалистов», не имеющие никакого смысла. В одном «ваковском» журнале у меня приняли статью, но попросили ее переписать. Мотив? «Слишком понятно. У нас так не пишут». «Узкие специалисты» в гуманитарной сфере давно уже оперируют не сущностями, а теоретическими деривативами, их деятельность зиждется не на реалиях, а на авторитетах, зачастую ложных, как Фасмер. Лингвоконвейер, являющийся коллективным субъектом деятельности в области этимологии русских слов, крутится по программе, заданной извне. «Узкие специалисты» настолько оторваны от реальности, что даже не замечают, когда сочиняют или воспроизводят

дикие глупости, выдуманнные другими «узкими специалистами». Выше приводился пример с «буковыми дощечками», но подобных можно привести множество.

Фасмер дает дату заимствования слова *броня* из «герм.»: «Брюкнер датирует заимств. не ранее VIII в., когда Карл Великий запретил вывоз лат». (Информация к размышлению: К. Брюкнер — русофоб, считавший, что Кирилл и Мефодий оторвали русских от «благотворного влияния Запада»; между двумя мировыми войнами работал в Львовском университете, полном антирусского пафоса, а потом в фашистской Германии). Данную версию заимствования повторяют отечественные лингвисты, включая Трубачева и его соавторов по «Этимологическому словарю славянских языков». Мол, «праслав. *brъnъ'a заимств. из герм., ср. др.-в.-нем. brunja...»¹⁸. Будучи историком, знаю, что в канцелярии Шарлеманя никакого письменного германского языка быть не могло, поэтому, в отличие от «узких филологов», не принял на веру версию немецких фальшмахеров, заглянул в первоисточники. Запрет на вывоз оружия содержится в двух капитуляриях (779 г. и 805 г.), написанных на латинском языке, верхненемецкое слово *brunja* там не упоминается. В германских языках слово не имеет ни убедительной этимологии, ни более древних упоминаний, чем в славянских, — их и не может быть. Впервые слово упомянуто в древнерусской «Повести временных лет» под 6476 (967) г. в форме *бронь*. В «Изборнике» 1073 г. встречается выражение «златы бръня»¹⁹. Оно свидетельствует о развитости бронницкого дела в Древней Руси, когда производились такие изысканные вещи. Слово *бронь*, *броня* наверняка связано с древним *боронь* «препятствие, помеха», *боронитися* «защищаться» (там же, т. I, стб. 153, 154) и гнездом однокоренных слов вплоть до современного «оборона». «Поиди княже къ намъ боронити своеа отчины», — говорится в Новгородской первой летописи (там же). Слово в разных вариациях часто встречается в рукописях Древней Руси. Будь в германских языках подобный куст, немецкие лингвисты уцепились бы за него всеми когтями, судя по тому, что сумели вывернуть этимологию в свою сторону, ничего не имея, кроме одного аргумента: в древневерхненемецком было похожее слово, хотя и без корней в германских языках. Пристегнули к случайной аналогии не имеющий никакого отношения к ней исторический факт. Мол, немецкое слово старше древнерусского, потому что еще Карл Великий запрещал вывоз оружия. На латыни, правда, да и сам немцем не был, но об этом умолчим, русские дурни схавают. И схавали русские... академики и профессора. Аналогию немцы маргинально (без доказательств) перевели в генеалогию — и русские не посмели возражать. Те же самые лингвисты не смогут отнести древние русские слова *боронь*, *боронити*, *боронитися* к заимствованиям из немецкого, а *бронь* и *броня* относят, невзирая на явное однокоренное тождество.

¹⁸ *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд* (далее сокращ. — ЭССЯ) / сост. О. Н. Трубачев и др. Вып. 3. М., 1976. С. 55.

¹⁹ См.: *Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. СПб., 1893. Т. I. Стб. 183.

Даже Фасмер не считает *боронь* заимствованным! Но ведь *боронь* и *бронь* — это одно и то же слово! Никаких различий, кроме долготы! В слове *броня* — русский корень и русское окончание. В германских языках это славянизм. Приведенное выше *brunja* «брунья» — явно не германское, а славянское по форме слово, типичная переозвучка от *бронье, броня*.

Это далеко не единичный пример некачественной работы «узких филологов», неудовлетворительной даже с точки зрения профессиональной, не говоря уже о недобросовестности по отношению к первоисточникам, о дикарской общекультурной необразованности. Вот пример последнего. Фасмер пишет о слове *гнездо*: «Младенов пытается связать слав. *gnězdo* (с первонач. знач. “сидение в навозе”) с *гной* и *s(e)d-*. Вайан допускает влияние формы **gnьs-* “марать” и пытается связать *ё* с *gnězditi*». Справедливости ради надо отметить, что это не собственная версия Фасмера, но она им изложена, и, естественно, она возобладала. Профессор МГУ Шанский пишет: «Начальный звук *г*, возможно, возник под воздействием слова *гной* “помет, навоз” у нашего слова в значении “птичье гнездо”, поскольку ярким признаком гнезд (птичьих) является загаженность». Думаю, что филологи видели мало-мало птичьих гнезд, ибо неверно о них судят. Автор этих строк в силу изначальной профессии археолога и образа жизни, близкого к земле, видел много гнезд полевых, лесных птиц, держал голубей, кур, индеек, цесарок. Ни разу не видел загаженного гнезда: в этих заботливо, с трудом и любовью сложенных полостях царят уют и чистота. Даже у ворон, которые зачастую питаются с помойки, гнезда ухоженные. Воронята вылетают не обгаженные, а чистые. У хищных птиц бывает беспорядок в гнездах, пока птенцы обедают добычей родителей, потом кости и перо выбрасываются. Взрослые птицы в гнезда не гадят, помет птенцов вымывается дождями; засохший помет птицы выбрасывают. Такого «яркого признака», как «загаженность», в гнездах диких птиц нет. То же касается гнезд домашних питомцев. Это не наука, а уличное «суждение по магазину»: иногда в плохих магазинах, в которых, видимо, отовариваются «узкие специалисты», бывают грязные куриные яйца, но это происходит от тесноты содержания, а не от природы птиц. На вольном выгуле в просторном птичнике куры всегда чистые, они купаются в песке, чистят оперение клювиками и никогда не гадят в гнезда. Гнезда бывают загаженными только тогда, когда птица больна, чего не скажешь о людях, которые способны загадить жилище, даже будучи здоровыми. Напрасно филологи оклеветали птиц. Здесь проявился типичный порок, который я называю «тихим кафедральным идиотизмом»: страшно далеки «узкие специалисты» от почвы, на которой жили и живут творцы языка; давно замечено, что «лингвистика потеряла язык». Той же «грязной» версии придерживаются Трубачев и его команда из сотрудников ИРЯ, которые уверенно называют «загаженность птичьего гнезда» «довольно броским признаком». Не знаю, где им «бросалась в глаза» эта «загаженность»; возможно, специально разводили в своих кабинетах каких-то особых

гадких птиц. При этом они используют сногшибательной своей неожиданностью (в качестве объяснения происхождения русского слова) аргумент: есть «немецкая фамилия Scharnhorst, буквально “загаженное гнездо”»²⁰. Есть украинская фамилия Перебийнос, есть русская фамилия Гниломедов. Они не доказывают, что у всех украинцев перебиты носы, а у русских гнилой мед; не объясняют происхождение русских слов «нос» и «мед» и уж точно никак не объясняют происхождение ни одного немецкого слова. Аргументы подобного рода — дико нелепые, запредельно косвенные — приводятся, когда нечего сказать по существу. Почему никому из авторов ЭССЯ не пришло в голову, что «немецкая фамилия Scharnhorst» может быть не «буквальна», а метафорична, в значении «гадкий род»? Удивительно, но вброшенная сто лет назад глупость, будто птицы систематически гадят в гнезда, не сходит со страниц академических публикаций филологов! Дикость «узких специалистов» явлена во всей красе. Разумеется, вся эта наклепленная на бумагу грязь из их мозгов не имеет никакого отношения к этимологии слова *гнездо*.

Не надо думать, будто естественный язык создавался исключительно для удобства людей, знающих жизнь в объеме пятилетней программы филфака. Слова определяют понятия из самых разных сфер, этимолог обязан иметь кругозор, выходящий далеко за пределы знания правил передвижения консонант.

Фасмер пишет, что *болдырь* — это «ребенок от брака русского с лопаркой или самоедкой [саамкой]». Потрясающе безграмотная фраза, так как лопари и саамы — это один народ, а «самоеды» — устаревшее название ненцев. Кстати, уже в первые годы развития советской этнографии данный оскорбительный этноним был исключен, чего Фасмер, разумеется, не принял во внимание в 1950-е годы, когда готовил свой словарь к изданию. При этом Фасмер не стесняется обвинять в путанице понятий народ, творивший язык, а за ним это делают все авторы словарей. Отечественные «узкие специалисты» позволяют себе недопустимо высокомерное, презрительное отношение к народу, язык которого трактуют, как будто это не их родной народ, а некие чужие сумасшедшие. Пишут, будто русские перепутали понятия «правый/левый» и ошибочно назвали левый приток Днепра *Десна*, то есть «правая». Уверяют, будто слово *верблюд* появилось, потому что русские попутали это животное со слоном; слово *слон* появилось, потому что русские попутали это животное со львом; слово *боров* — потому что попутали свинью с коровой; слово *дуб* — потому что попутали дуб с елью; слово *дыня* — потому что попутали дыню с айвой. Слово *жаворонок* — потому что эту птичку попутали не то с воронком, не то со скворцом. Слово *енот* — потому что попутали енота с субтропической виверрой, которую русские не знали, не видели. Слово *жесть* — оттого что попутали железо с медью. *Иву* славяне попутали не то с тисом, не то с черемухой, не то с виноградом. Здесь приведена малая толика названий, появившихся, согласно мнению

филологов, слепо копирующих словарь Фасмера, по причине тупости, невнимательности и физической ущербности славян. Прежде чем такое писать, надо миллион раз подумать о своем месте на земле; складывается впечатление, что «узкие специалисты» вообще не думают о том, кто они и зачем они, что за языком стоит народ, а не их институты и кафедры. В языковом хозяйстве народа царит великолепный порядок, это у «узких специалистов» мусор в мозгах путается. Представляя путаником народ, они являют в таком качестве самих себя. Если бы физики, будучи неспособны объяснить явления природы, уверяли нас, что «природа все попутала», — нужны были бы нам такие «узкие специалисты»? (Надеюсь, что предложил адекватные родословные перечисленным словам в своем словаре.)

Строя свою работу на анализе девяти этимологических словарей русского языка (Горяев, Преображенский, Фасмер, Черных, Шанский, Крылов, Семенов, Успенский, Цыганенко), а также выпусков «Этимологического словаря славянских языков (праславянский лексический фонд)» под редакцией О. Трубачева, был поражен тем, как плохо знают лингвисты историю, географию и не только. Вторжения в смежные области знаний поражают безграмотностью и наивностью.

Часто встречается маргинальное, на уровне «бабушка на скамейке», вторжение в область философии. Например, Трубачев пишет: «...привлекаемое для объяснения слав. *bl'udo некоторыми исследователями слав. *bl'usti, *bl'udъ едва ли когда-либо подходило как исходная глагольная база для нашего имени, поскольку *bl'usti неизменно сохраняло и.е. функцию глагола абстрактного, морального знач. “хранить, оберегать”»²¹. Это единственный аргумент, чтобы отказать слову *блюдо* в исконном происхождении. Трудно оценивать данный опус с позиции «чистой науки», ибо речь идет не о лингвистике, это маргинальный выход за пределы компетенции. Категория «мораль» вне лингвистики, это понятие философское и, если ее привлекаешь, надо иметь соответствующий уровень мышления и образования. Трубачев демонстрирует расхожее понятие о морали как о том, что «хорошо». Между тем, это совсем другое, и мораль здесь — лишняя сущность. Хранить можно и высушенные человеческие головы (это факт), а оберегать фашистские ценности (тоже факт). Мол, *блюсти*, *блюду* — глагол «моральный», поэтому он не может быть связан со словом *блюдо*, которое что — аморально? Пошлое морализаторство, а не наука. Оба слова аморальны в научном смысле, потому что никак не связаны с понятием «мораль», а вот друг с другом связаны, вопреки Трубачеву, повторяющему вслед на Фасмером и иже с ним, будто славянское слово «давно удовлетворительно объяснено как раннее заимствование из герм.» (*там же*), а от исконного глагола *блюсти*, *блюду* происходить не может.

Невероятное невежество проявляют «узкие специалисты» в естественно-научной сфере. Фасмер выводит слово *боров* из авест. *rasuka-* «домашнее животное» от *rasu-* (сбир.) «скот» и дополняет: «...связано

²¹ ЭССЯ. Вып. 2. С. 135.

далее с др.-инд. *bhāgvati* “жуёт, ест”, т. е. “жвачное животное”, для чего, однако, отсутствуют доказательства». Своевременная самокритика, но недостаточная, так как у Фасмера отсутствуют доказательства почти ко всем этимологиям. *Боров* не относится к числу жвачных животных. Слово *боров* — исконное, славянское, происходит от *бор*. Никаких оснований подтягивать его к иранской «пасуке» нет, тем более что подтянули не по лингвистическим основаниям (ни одной общей фонемы нет), а по ошибочным зоологическим. Лингвозоология и лингвоботаника — это невероятно удивительные филологические дисциплины. Фасмер на голубом глазу уверяет, будто *выхухоль*, неспособная грызть (родственник крота), — это «грызун». *Дереза* у Фасмера — это «растение “*Galium aparine*, подмаренник цепкий”, также *облепиха*». Эти растения принадлежат к разным родам и семействам. *Дереза* — семейство пасленовые, подмаренник цепкий — семейство мареновые, облепиха — семейство лоховые. *Ибис* не является аистом, а *иволга* не относится к дроздовым. Здесь приведены отдельные ошибки по памяти, но внимательный читатель словаря Фасмера может убедиться, что это массовое явление. Впрочем, это беда всех филологов, авторов и редакторов словарей: этим ученым высокого полета приходится, к сожалению, напоминать, что слова рождаются на земле и нелишне было бы время от времени на нее опускаться. Это касается в том числе многочисленных сотрудников ИРЯ РАН, неоднократно редактировавших словарь Фасмера с правками в примечаниях и при этом не исправивших ни одной фактической ошибки подобного рода. Впрочем, если исправить все ошибки Фасмера, то примечания по объёму превзойдут сам словарь. Он весь будет «красный» от правок. Возможно, потому и не исправляют? Боятся, что в таком случае их многолетние труды по переизданию книги, в которой почти нет содержания, кроме ошибок, подтасовок и лжи, станут выглядеть бессмысленными?

Какая связь между латинским *fagus* «бук» и русским *бузина*? Такая же, как между бузиной в огороде и дядькой в Киеве, но Фасмер сказал, что она есть, не приведя аргументов, — и уже полвека отечественные лингвоботаники пытаются обосновать это гениальное открытие, нелепое даже фонологически. Вот проложил Фасмер для них рельсы, и «узкие специалисты», подобно лошадям с зашоренными глазами, упорно тянут конку науки по ним, не отвлекаясь на возможность другой этимологии. Черных с сомнением излагает аргументацию: «Не совсем ясно, почему название бука было перенесено у славян именно на бузину, растение, столь непохожее на *fagus*. Правда, иногда ссылаются на то, что плоды букового дерева и черной бузины в том или другом виде съедобны. Но ведь таких растений очень много»²². Относительная съедобность — единственный *филологический* аргумент. Почти все растения, за исключением относительно небольшого числа ядовитых, съедобны «в том или ином виде». По данному признаку бузину можно сосватать с миллионами видов. Лучше всего произвести от банана. По крайней

²² Черных П. Я. Там же. Т. I. С. 119.

мере, фонетические совпадения есть, да и съедобность как лингвистический аргумент более уместна. Разумеется, слово *бузина* исконное и никак не связано с *fagus*.

В словаре Фасмера верные этимологии встречаются настолько редко, что, если б словарь составил совершенно наивный автор, их было бы намного больше по статистике случайных чисел. Угадать можно половину. У Фасмера верные этимологии в лучшем случае одна на сотню, если не на тысячу, и эта уникальность является прямым следствием умышленной лжи, умножившей природную глупость, что уже заранее доказано биографией: умный человек не подрядился бы работать на нацистов, приехав в Германию из США в 1939 г., когда настоящие ученые ехали в обратном направлении.

Умный человек не мог написать следующее: «*Дербень* — “изба мельника”, *дербенщик* “мельник”, вятское, сарапульское. Заимствование, ср. тур.-перс. *derbend* “горный проход, ущелье”, *derbendži* “страж”». Почему бы фальшмахеру не написать, что *дербенщик* происходит от топонима *Дербент*, потому что все вятские и сарапульские мельники оттуда, согласно его сведениям? Это было бы гораздо более научно, ибо нет никакого «тур.-перс. *derbend* “горный проход, ущелье”». *Derbend* — персидское слово, означающее «запор, замок», о чем Фасмер сам пишет в статье *Дербент*. При чем здесь «изба мельника» по смыслу? При чем «узкий проход»? Фасмер притянул русское слово к «тур.-персидскому» по пустому созвучию, как безграмотный маргинал, потакая личной русофобии настолько, что не смог удержаться от очевидной глупости. *Дербить*, *дерéбить*, *деря́бить*, *дербовáть*, *дербу́нить*, *дербу́жить*, *дербá*, *дербень* (в значении «мешковина, дербужина»), *дербáнить* — исконные слова, а для того, чтобы узнать слово *дербень* «мельница», вятские мужики сговорились с сарапульскими, снарядили ходоков в неведомую «Тур-Персию»: а не научат ли тамошние «турперсы», как в Вятке и Сарапуле мельников называть? Разумеется, Фасмер глупо лжет: весь куст исконный. Мельник *деребит* зерно, поэтому вятские мужики называли его *дербенщик*, мельницу — *дербень*. Прimitивная личность, излагающая подобные глупости, была избрана членом АН СССР — не позор ли для Академии? Великий В. Мартынов такой чести не удостоился, хотя заслуживал ее больше многих коллег-академиков — у меня в этом нет сомнений. Возможно, потому и не удостоился?

Фасмер пишет: «*Гармóника*... производное *гармóнь*, *гармóшка*... Заимств. из нем. *Harmonika* или англ. *harmonica* (инструмент изобретен Бенджамином Франклином в 1762 г.) от лат. *harmonicus* “гармонический”; см. Клюге-Гётце». Франклин изобрел стеклянные колокольчики на металлическом штыре. *Гармоника* Франклина не оставила следа в истории музыки, используется крайне редко в оркестровых изысках. *Гармонь* стала русским народным инструментом. Она имеет такое огромное значение в национальном сознании, что в годы Великой Отечественной войны производство *гармоней* приравнивалось к производству оружия, они отправлялись на фронт десятками тысяч. Этот инструмент вошел не только в историю музыки, он вошел в мировую

историю, как никакой другой. Заслуги русской гармонии в победе над самой страшной «чумой» человечества столь велики, что ей следовало бы поставить памятники в каждом освобожденном городе Европы. И это великое явление перепутать с жалкими колокольчиками Франклина! Первая гармонь с мехами появилась в Петербурге в 1783 г.²³ Ее изобрел гениальный мастерской, оставшийся неизвестным. Фасмер спутал русскую гармонь со стеклянными колокольчиками Франклина, а его эпигоны, «узкие филологи», послушно повторяют эту глупость. У них нет кругозора, чтобы даже приблизительно представить себе историю гармонии, равно как и других объектов и явлений, для обозначения которых служат описываемые ими слова. Действительность совершенно не учитывается этими носителями «филологического идеализма», не случайно в панику впали, как только увидели предметную критику. Прочитав про Франклина, я тотчас понял, что Фасмер заблуждается; почему об этом не догадались лингвисты за полвека? Этимолог обязан иметь широкий кругозор. Он должен исходить из того, что слова — это отражение действительности, а не нечто само по себе сущее. Так как заимствования инструмента не было, не приходится говорить о заимствовании названия. Международное слово гармония приходило на ум людям в разных странах. В России оно известно с XVIII в. Как пишет Черных, инструмент в начале XIX в. называли гармония.

Фасмер пишет: «Дублёнка — “вид подкладочной ткани” (Мельников, 3, 111, 278). Из франц. double “двойной”, откуда и нем. Doublestoff (Хайзе)». Обратившись к роману П. И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах», на который Фасмер дважды сослался как на источник понятия, мы ожидаемо обнаруживаем, что речь отнюдь не о «подкладочной ткани». Цитирую по ссылкам Фасмера: «Смерклось и вызвездило, когда по скрипучей от завернувшего под вечер морозца дороге к дому Никитишны пара добрых коней подкатила сани с кожаным лучком, с суконным, подбитым мурашкинскою дубленкой, фартуком и с широкими отводами» (Мельников, 3, 111); «Заблудились мы, почтенный, в ваших лесах, — отвечал Патап Максимыч, снимая промерзшую дубленку и подсаживаясь к огню» (Мельников, 3, 278). Село Большое Мурашкино в Нижегородской губернии славилось своими мехами с тех пор, как сюда были сосланы сторонники Марфы Посадницы, которые завезли секреты выделки кож. До революции здесь работали несколько меховых фабрик, в том числе поставщики императорского двора, участники всемирных выставок. Меховое производство было настолько обширно, что овчинное сырье свозилось со всех краев России, а также из Средней Азии, Афганистана. В обоих примерах из романа Мельникова речь идет о мехах. Фартук для саней делали из холста, подбитого мехом, с расчетом, чтобы мех был посередине, тканевые отводы заправлялись под ноги и туловище. Купец Патап Максимыч был одет в меховой полушубок, а не в подкладочную ткань. Никакого

²³ См.: Мирек А. Справочник по гармоникам. М., 1968. С. 115.

отношения «франц. double “двойной” и нем. Doublestoff» не имеют к русскому дублёнка. Это слово — производное от дубление (традиционный способ выделки кож с использованием коры и листьев дуба). Фасмер в очередной раз продемонстрировал незнание предмета, о котором пишет, а академические редакторы его словаря не в первый раз уличены в слепом, наивном, далеком от науки и знания языка доверии к «авторитету». Удивительно качество работы сотрудников Института русского языка над этимологией русских слов: как можно не замечать столь очевидные глупости? В 1980-е годы, когда под их редакцией вышло второе издание словаря Фасмера, откуда все цитаты, была мода на дублёнки. Надо полагать, «узкие специалисты» ИРЯ РАН дефилировали по зимней Москве, завернувшись в подкладочную ткань и гордо называя свое тряпье дублёнками. Подобные глупости неисчислимы, они встречаются буквально на каждой странице — и переизданы уже четырежды. Четыре раза переиздано с участием академических редакторов лживое насквозь, глупейшее произведение, большинство статей в котором напрашиваются на фельетон!

В связи с тем, что для Фасмера дублёнка — это подкладочная ткань, слова дубить, дубление в его словаре отсутствуют. Не знать эти слова он не мог, ибо они есть во всех толковых словарях, включая Даля, пропустить невозможно. Фальшмахеру так хотелось подвесить исконное русское слово дублёнка на иностранный крюк, что он пошел и на вторую ложь: ложь умолчания.

Этимология названий и имен

«Лучшие этимологии Фасмера вообще посвящены главным образом именам собственным», — уверяет Трубачев²⁴. Это феноменально, но в статьях на буквы А, Б, В, Г, Е, Ё, Ж, З, И, которые мной исследованы, почти нет верных этимологий имен собственных. Например, о названии *Гатчина* Фасмер написал: «Местность под Ленинградом. От *гать*». «Руслингвисты» бросились развивать и дополнять «свое всё». «Название этого небольшого города под Санкт-Петербургом, где любил жить до своего восшествия на российский трон император Павел, дает основания предположить, что местность там была болотистая, потому что *Гатчина* восходит к глаголу *гать* — “прокладывать дорогу вязанками хвороста”, — развил фасмеровскую этимологию Г. Крылов. Фразу «прокладывать дорогу вязанками хвороста» он буквально переписал из статьи Фасмера *гать*. Складывается впечатление, что отечественные авторы видят свою задачу только и исключительно в том, чтобы услужливо поддакивать Фасмеру, как будто наших филологов только этому на филфаках и учат. Какие болота, какие вязанки? Что за наоборотный ход: «название дает основание предположить, что местность там была болотистая»? «Почвоведы» Фасмер и Крылов определили ландшафт по названию, исходя из собственной

²⁴ Трубачев О. Н. Указ. соч. С. 509.

умозрительной интерпретации. Может быть, вначале земля, потом название? Не мешало бы местностью поинтересоваться прежде, чем мостить вениками придуманные болота и сажать в них императора. Причем не одного: не только Павел любил Гатчину, но и Александр III, самый могущественный русский царь (настолько, что не нуждался в союзниках, кроме собственных армии и флота), предпочитал ее всем другим местам, а у него был выбор. *Гатчина* расположена на плоскогорье высотой примерно сто метров над уровнем моря, между Ижорскими и Ропшинскими высотами. У меня дача недалеко от Гатчины, у нас даже комаров нет, потому что нет болот. Скважины глубиной не менее 30 метров. Подпочвенный грунт — твердый как камень, иссушенный суглинок и известняк, ломом не пробьешь. Фасмер маргинально придумал этимологию по пустому созвучию. Его эпигоны, слепо поклоняясь Великому, меняют не только толковые значения русских слов, что встречается на каждом шагу, они и географию России готовы переписать, лишь бы не отступить от немецких направляющих. Фасмер не только не поинтересовался географией, но и не потрудился поинтересоваться исконным названием русского города. Между тем, *Гатчина* — это переименованное *Хотчино*, известное по новгородским писцовым книгам с 1499 г. Название может быть от имени владельца (известны древнерусские имена Хотен, Хотин, Хотимир, Хотчен) или комплиментарное от «хотеть» — по типу Желанное, Благодатное, Хотино, Уютное, Отрадное и т. д. Место очень красивое, здоровое: высокие хвойные боры, красивые озера и ручьи, живописные моренные валуны и каменные гряды. Переозвучили русское *Хотчино* в *Гатчина* шведы, которые владели этой местностью с 1617 г. — когда захватили ее, пользуясь последствиями Смуты, — до Северной войны. Неужели и после такой очевидной недобросовестности Фасмера можно воспринимать как ученого?

«Принимая во внимание шв. *Alhava* в грам. XVI в. и фин. *Olhavanjoki*, Миккола производит это название из фин. *Olhava*», — написал Фасмер о гидрониме *Волхов*. С тех пор название реки, из бассейна которой «есть пошла Русская земля», всюду подается как финское или шведское заимствование, потому что так сказал Фасмер, с которым спорить нельзя, страшно: свои же, русские коллеги в «маргиналы» запишут, хотя до Фасмера в России были и другие версии. На самом деле, маргинально то, что написал Фасмер, потому что бездоказательно, по первоисточникам не выверено, версия по пустому внешнему созвучию. Тенденциозный подход, согласно примитивному принципу: есть похожее слово в каком-то другом языке, значит, русские заимствовали оттуда. Разумеется, это чушь, название исконное. Финский лингвист Миккола, вслед за ним Фасмер ссылаются на шведский источник XVI в. Его Фасмер «принимает во внимание». Гораздо более древние упоминания русских источников он во внимание не принимает. Например: «Въ лѣто 6684 (1176). Иде Вълхово опять на възводѣ по 5 днии» (*Новгородская первая летопись*,

л. 40 об.)²⁵. В Ипатьевской летописи еще раньше, под 1113 г.: «...находятъ дѣти наши глазкы стекляныи и малыи и великы. провертаны, а другыя подлѣ Волховъ берутъ еже выполаскываеъ вода»²⁶. В древнерусских источниках название упомянуто раньше на пять веков, именно в той форме, в которой бытует и сейчас. Финны косноязычно переняли *Волхов* как «Ольхава», шведы от них — «Алхава», что типично для подобных заимствований.

Версии происхождения личных имен нелепы до анекдотичности. Например, имя *Давыд* Фасмер объясняет как тюркизм, тогда как очевидно, что это русская обработка ветхозаветного имени, типичная славянская палатализация. (Кстати, в словаре Фасмера прослеживается не только русофобия, но и антисемитизм, хотя это отдельный разговор; материала столько, что можно отдельную статью писать.) По Фасмеру получается, что *Давыд* и *Давид* — имена разного происхождения в русском именовании, пришедшие из разных языков, принадлежащих к разным языковым семьям, — и эту глупость до сих пор никто не замечал. Об имени *Дарья* Фасмер пишет: «сокращение из *Дорофѣя*». Диву даешься, как можно так глупить, находясь не в приюте для умалишенных. *Дарья* — женский вариант персидского имени *Дарий* (ир. *Дарьявауш* > греч. *Дариус* > рус. *Дарий*). Исконные имена *Владимир*, *Борис*, *Глеб* Фасмер объявил заимствованными. Он производит имя былинного героя *Дюка Степановича* из *индюк* «индиец». Прежде чем выдвигать столь экзотическую версию, следовало бы поискать это слово с таким значением в древнерусском словаре. Слово *индюк* впервые засвидетельствовано в 1847 г. в значении «самец индейки», до того самца *индейки* называли *индей*. И даже это слово является поздним, известным с нач. XIX в. Русские никогда не называли индийцев «индюками». Совершенно другой исток у имени *Дюк*. Таковы «лучшие этимологии Фасмера».

Главный порок словаря Фасмера

В ходе работы мной замечен и выделен главный, пожалуй, порок словаря Фасмера. Этимология русского слова, за исключением новых заимствований, должна начинаться с обращения к древнерусскому словарю, что Фасмер делает крайне редко, поэтому почти все его этимологии подложны. Фальшмахер, по сути дела, игнорирует древнерусский язык, начиная этимологию с иноязычных аналогий, либо — в лучшем случае — подставляя вместо древнерусского старославянский. Этот язык, называемый также «староболгарский», «старомакедонский», «язык салоникских славян», является языком славян — мигрантов на Балканы с европейского севера, из области праславянского языка, прямым наследником которого является древнерусский. (Кстати, Сербия до XII в. называлась «Расия».) Попав на Балканы, славяне оказались в окружении высокоразвитых народов, прежде всего греков-ромеев, носителей

²⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950. С. 35.

²⁶ См.: Срезневский И. И. Указ. соч. Т. I. Стб. 518.

греческого и латинского языков, поэтому заимствования и утраты были неизбежны. Это язык славян, почти никогда не имевших независимости, кроме эпизодической и относительной. Ими почти всегда кто-то владел, навязывая свой язык и культуру.

Древнерусский язык проявляет себя как столбовой продолжатель праславянского. В большинстве случаев праславянские основы совпадают с древнерусскими, что видно даже по «трубачевскому» «праславянскому словарю» (ЭССЯ). Старославянские предстают как измененные. Древнерусские и русские слова основного фонда зачастую совпадают с санскритскими, авестийскими, праиндоевропейскими.

Например, слово *дерево*. Автор «Индоевропейской грамматики» Г. Хирт реконструировал индоевропейскую основу, полностью совпадающую с современным русским словом: *degeuo «растение» (и краткое, близкое *v*, то есть *дерево*, как произнес бы это слово Горбачев). Праиндоевропейцы называли *дерево* так же, как современные русские люди! Хирт был сторонником версии североевропейской прародины индоевропейцев, но критиковал лживую лингвистическую «науку», инициированную НСДАП. Хирт был немецким патриотом, но при этом еще и ученым, а не проходимцем, как Фасмер и иже с ним. Ученый является патриотом не только Отечества, но и науки и не может поддерживать откровенную профанацию. И вот нацистское «языкознание» в лучшем виде: немецкий лингвист, один из великих, даже не упоминается в статье Фасмера *дерево*, так как его мнение ставит русский язык на подобающее ему место столбового индоевропейского. Когда же Хирт называет какое-либо славянское слово заимствованным, Фасмер всегда приводит его авторитетное мнение.

Самое печальное заключается в том, что письменное старославянское наследие незначительно в сравнении с древнерусским. Сохранилась одна большая рукопись XI в., часть мартовской минеи (так называемая Супрасльская рукопись, найденная на территории Российской империи). На нее и дается большинство ссылок в словаре Фасмера, отчего складывается впечатление, что, если б не Супрасльская рукопись, тему «старославянский язык» пришлось бы закрывать для этимологии. Древнерусское письменное наследие огромно, именно поэтому Фасмер его игнорирует. Сохранилось более тысячи рукописей (не считая бересты). И хотя это (согласно подсчетам) всего примерно 1 % написанного, все равно очень много в сравнении с тем, что имеют другие народы. Даже «отец норманизма» Шлёцер удивлялся и завидовал тому, «каким богатством обладают русские» — богатством, в сравнении с которым древние германские письменные источники представляют собой, согласно определению этого историка, «бредни и сумасбродство исландских сказок»²⁷.

Многие слова, которые есть в древнерусских текстах, в старославянских отсутствуют, что позволяет Фасмеру объявлять их заимствованными из германских и иных языков вопреки хронологии, когда

²⁷ Шлёцер А. Нестор. Руския летописи на древле-славенском языке. Ч. 1. СПб., 1809. С. 1—6.

на древнерусском слово записано на несколько веков раньше, чем на каком-либо германском языке.

Например, слово *дума* в древнерусских источниках засвидетельствовано в X—XI вв., что подразумевает дописьменную историю этого слова в славянстве. Немецкие лингвисты объявили его заимствованным «из герм.» в XIII в., игнорируя древнерусский словарь! Это не единичный пример, это массовое явление. Отечественные авторы повторяют за Фасмером, будто русское *двор* «лица, окружающие монарха» — калька XVIII в. немецкого *Hof*. Выражение *князь дворъ* в древнерусском языке существует с докирилловских времен, судя по фиксациям в самых первых рукописях (в ПВЛ под 996 г. и далее неоднократно). Слова *двор*, *дворянин* — и большое лексическое гнездо, с ними связанное, — были уже тогда, когда немецкого языка не существовало и не было даже в проекте (ведет свою историю с перевода Лютером Библии на древневерхне-немецкий язык в XVI в.)²⁸. Хронологически невозможна калька *Hof* > *двор*, а вот обратная калька весьма вероятна, что, скорее всего, и было.

Древнерусский словарь как первоисточник для этимологии русских слов и этимологический словарь Фасмера несовместимы. Возникает вопрос: от чего следует отказаться, подвергнув «культуре отмены», как говорят на Западе? От древнерусского словаря или от словаря Фасмера? Кто не отказывается от словаря Фасмера, тот отказывается от древнерусского языка. В таком случае — что он вообще делает в русском историческом языкознании?

В настоящее время конкурируют два направления этимологии. Первое — так называемое академическое — опирается на словарь Фасмера, регулярно переиздаваемый, в том числе под эгидой РАН. (Уже четыре переиздания, начиная с 1973 г., когда вышел последний том первого русского издания.) Древнерусский словарь Срезневского, созданный в качестве источниковедческой базы для этимологии русских слов, не был переиздан ни разу с 1893 г. Он — великая библиографическая редкость. Кто-то умышленно делает так, чтобы у молодых филологов не было под рукой словаря Срезневского, но был легкодоступен словарь Фасмера. С этой целью он переиздается каждые 15 лет, для каждого нового поколения. На мой взгляд, позитивные ссылки на таких авторов, как Фасмер, Клюге-Гётце, Гамильшер, должны приравниваться к позитивным ссылкам на Геббельса и Розенберга.

Второе направление опирается на древнерусский словарь. Считаю его основоположником великого В. В. Мартынова.

Выбор — за молодыми исследователями. Как минимум, призываю к честной дискуссии. Нельзя далее молчать. Язык — не филологическая величина, а цивилизационная. Речь о самобытности и самоценности русской цивилизации.

²⁸ См.: Срезневский И. И. Указ. соч. Т. I. Стб. 642—847.